

идеологизированную интерпретацию прецедентного мифологического текста.

Список литературы

- Golding W. Lord of the flies* / W. Golding. – London : Faber and Faber, 1996. – 289 pp.
- Lewis C.S. Till We Have Faces: A Myth Retold* / C.S. Lewis. – San Diego : Harcourt, 1984. – 324 pp.
- Conrad P. William Golding: The Man Who Wrote Lord of the Flies* by John Carey / Peter Conrad [electronic resource]. – Mode of access: www.guardian.co.uk (дата обращения: 30.05.2009).
- Аникст А. Робинзонада* / А. Аникст // Литературная энциклопедия : в 11 т. – Т. 9. – М., 1935. – С. 718-723.
- Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели* / К.С. Льюис ; пер. с англ. И. Кормильцева. – М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. – 317 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА РОМАНА ВОСПИТАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

С.С. Воронин

*Научный руководитель: Н.Э. Сейбель,
доктор филологических наук, профессор (ЧГПУ)*

Одним из старейших жанров мировой литературы по праву считается роман воспитания (*Bildungsroman*), в котором описывается становление характера молодого человека, сталкивающегося с первыми трудностями самостоятельной жизни. Классическими образцами жанра принято считать «Историю Агатона» К.М. Виланда, «Годы учения Вильгельма Мейстера» И.В. Гете и др. Однако уже к концу XIX века роман воспитания начинает приобретать широкий диапазон жанровых модификаций. Все чаще писатели стали выбирать местом действия своих произведений школу. Зарождающаяся на рубеже веков школьная проза вызвала огромный интерес и была особенно актуальной в силу того, что в рамках повествования школа становилась микромоделью социума, позволяя авторам ставить и исследовать «вечные проблемы» (общество, политика, нравственность, гуманизм и т.д.).

Постепенно в западноевропейских литературах стали формироваться жанровые образования, генетически связанные с классическим романом воспитания. В русской литературе еще в 1860-е гг. появились «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского. В английской литературе большую распространенность получили так называемые *school-stories*, признанным мастером которых стал Пэлем Грэнвил Вудхауз. В немецкой литературе закрепилось понятие *Schulgeschichte* («школьная история»). Жанр

сформировался на пересечении двух разнонаправленных тенденций, господствовавших в государственной идеологии Германии – апологии тотальной власти школьного учителя и критики казарменной школьной действительности с ее телесными наказаниями.

Одним из первых, кто на страницах своих произведений создал образ учителя, который тиранит и мучит детей, глумится над слабыми и беззащитными и в то же время трусливо пресмыкается перед властью имущими, стал Франц Ведекинд («Пробуждение весны», 1890). А в 1905 году появились два знаковых текста, вызвавших бурную полемику современников – читателей и критиков. Это роман Генриха Манна «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» и повесть Генриха Гессе «Под колесом».

В отличие от традиционного романа воспитания, главным действующим лицом у Г. Манна становится не молодой и неопытный юноша, постигающий премудрости взрослой жизни под руководством наставника, а сам наставник. Главный герой – учитель Унрат – за свой вздорный и мстительный характер, за свою мелочность и издевательства над учениками получил прозвище Гнус. Столь оценочная номинация персонажа, основанная на игре слов в немецком языке (от нем. *Unrat* ‘грязь, нечистоты’), априори является одним из ярчайших средств авторской характеристики героя. В образе учителя Гнуса, имеющего в своих руках огромную власть и влияние, возомнившего себя блюстителем законов и нравственности, воплотились черты злого тирана и мучителя учеников, что затем найдет отражение в последующих текстах немецких писателей, рисующих гротескно сниженный образ учителя. О том, насколько сильным оказалось влияние романа Г. Манна на мировоззрение современников и последующих поколений, весьма красноречиво свидетельствует тот факт, что прозвище «учитель Гнус» стало в Германии нарицательным.

Таким образом, Г. Манн вышеупомянутым романом задал линию развития, по которой шли другие писатели, рассказывающие в своих произведениях о взаимоотношениях учителей и учеников и, как и подобает авторам *Schulgeschichte*, избрал местом действия школу. Заслуга Г. Манна в данном направлении, во-первых, состоит в том, что он нарисовал потрясающий по глубине обобщения образ школьного учителя – мелкого человеконенавистника и тирана, унижающего своих учеников и получающего от этого садистское удовольствие. А во-вторых, немецкая школа в восприятии юных героев и читателей романа стала напрямую ассоциироваться с казармой, где всячески подавляется индивидуальность, талант, живая мысль, а невинные шалости расцениваются как бунт против установленного порядка. Такой способ изображения действительности,

акцентирующий конфликт свободы и деспотии, творчества и тирании, метафорически воплощенный в образах антиномичной пары учитель-ученик, стал основополагающим для немецкой школьной прозы, истоки которой мы находим в традиционном романе воспитания.

В том же 1905 году была написана повесть Г. Гессе «Под колесом». Создавая образ главного героя – Ханса Гибенрата, – Г. Гессе показал тот гнет, которому подвергались учащиеся школы и семинарии, и противопоставил ему идеал свободного существования в образе Германа Хайльнера. Повесть стала не менее громким, чем роман Г. Манна, обвинением закостенелой школьной системе, беспредельная тирания которой лишала жизни умных, талантливых и трудолюбивых юношей, каким был Ханс.

Год спустя, в 1906 году, вышел роман Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Терлеса». По своей жанровой специфике он наиболее близок к роману воспитания «в чистом виде», однако Р. Музиль, идя по стопам ближайших предшественников, избирает местом действия школу-интернат и в подробностях описывает ее удушливую атмосферу, где царят вседозволенность и насилие. В романе разворачивается картина ужасающего дефицита человечности, а столкновения воспитанников порождают жестокость и злобу по отношению друг к другу.

Леонгард Франк (1882-1961) также обращался к конфликту ученика, пытающегося сохранить свое достоинство, личность, а иногда и собственную жизнь, и учителя-тирана, подавляющего ребенка как духовно, так и физически. Неподдельный интерес к теме школы во многом объясняется фактами биографии писателя, поскольку самые тяжелые впечатления детства связаны у Л. Франка именно со школой. Это дало ему право в автобиографическом романе «Слева, где сердце» (1952) с горькой иронией сказать про своего героя-двойника: «И все-таки на долю Михаэля – пока он не пошел в школу – выпадали иногда минуты безоблачного счастья. <...> Но настоящая беда – та, что сжимает сердце и ранит душу, – пришла к Михаэлю только в школе» [Франк 2003: 356]. Спустя семь лет он вышел из нее «с тяжелой душевной травмой, и если не покончил жизнь самоубийством, то лишь по неведению...» [Франк 2003: 358]. Эти детские впечатления нашли отражение в творчестве Л. Франка. Прототипом образов учителей, созданных писателем на страницах своих книг, стал школьный преподаватель Л. Франка – господин Дюрр.

Первый роман Л. Франка «Шайка разбойников» (1914), согласно традиции, идущей от романа воспитания, представляет собой историю взросления юных героев, представителей младшего поколения Вюрцбурга. Основной конфликт романа – противостояние города, атмосфера которого, пропитанная ощущением несвободы, чувством

всепоглощающего страха, заключена в образе изверга-учителя, и компании мальчишек, придумавших себе индейские клички и живущих в мире собственных фантазий, постепенно взрослея и постигая законы враждебного им мира. Школа в романе становится микромоделью современного Л. Франку государства, зеркальным отражением существующих законов социума, с закрепившейся иерархией и выверенной системой наказания. Учитель в ней наделен всей полнотой власти, ему вынуждены беспрекословно подчиняться все остальные. Следствием усиления тотального контроля над жизнью школьников становится страх, внушаемый учителем. Страх переходит границы школы и, рассеиваясь по всему Вюрцбургу, заставляет даже сорокалетних жителей города «испуганно сторониться, заведя своего бывшего учителя» [Франк 1970: 26]. Учитель становится не просто воплощением абсолютной власти, но и олицетворением «карательного потенциала, каким обладает государство по отношению к своим гражданам» [Сейбель: в печати]. Поэтому он вправе наказывать за любую провинность или оплошность самыми изощренными, садистскими способами, получая удовольствие от каждого нанесенного удара. Именно ему поручают наказывать «разбойников», уличенных в краже из Королевского виноградника.

Способы и приемы создания образа учителя, ставшего у Л. Франка персонификацией зла, вписываются в уже закрепившуюся после романов Г. Манна и Р. Музиля традицию гротескно-сатирического изображения наставника юношества. Злоба как доминирующая черта личности педагога подчеркивается Л. Франком с первых же строк романа, на которых появляется учитель Магер, «тиран многих поколений мальчишек» [Франк 1970: 26]: узнав на улице одного из своих учеников, «он злобно оглянулся и раздул круглые красные щеки» [Франк 1970: 26]. Этот злобный взгляд учителя будут ловить на себя даже взрослые, с ужасом вспоминая школьные годы. Гротескно выполненный образ учителя дополняет авторская ирония в его адрес, возникающая из очевидного противоречия: злобный тиран и человеконенавистник становится у Л. Франка своего рода борцом за прогресс. Однако вся «прогрессивность» этого персонажа заключается в том, что Магер ратовал за освещение циферблата на городских часах, он «голосовал за свет» [Франк 1970: 27].

Таким образом, уже в первом своем романе Л. Франк показал, как заменой авторитетам становится авторитаризм. Существование в рамках школы, города, государства подчинено одним и тем же законам беспрекословного подчинения вышестоящему начальству, ибо жизнь в обществе на всех его уровнях пронизана страхом, подкрепляемым постоянным использованием карательных методов. Все это на страницах

романа получило метафорическое воплощение в образе учителя-тирана и реалистически описанной школьной действительности, где дети под гнетом учителя Магера и страхом постоянного наказания превращаются «в тупых животных, наделенных всеми качествами верноподданных рабов, – готовый материал для подчинения очередному начальству...» [Франк 2003: 357]. Школа в романе стала своеобразной микромоделью социума, а учитель – воплощением государственного аппарата власти.

Продолжит Л. Франк разоблачение школы, претендующей на роль посредника между человеком и Богом, в романе «Бюргер» (1924), описывающем историю жизни Юргена Колбенрайера, постепенного приобретения им опыта познания окружающей действительности. Если в первом романе учитель был воплощением государства и формировал гражданина, лишённого чувства собственного достоинства, свободы, гражданской позиции, то во втором романе он вторгается в вопросы свободы совести и берет на себя функции карательного механизма для неверующих, вмешивается в отношения человека с Богом, чем отвращает юные души от церкви.

Таким образом, известный со времен античности и в качестве программного декларируемый эпохой Просвещения жанр романа воспитания в XX веке претерпел значительные изменения, прежде всего за счет расширения диапазона жанровых модификаций, одной из которых стала школьная проза, затрагивающая проблемы социально-психологического развития личности. Писателей стал интересовать не столько процесс взросления юных героев и постижения ими законов бытия, сколько сама жизнь, ограниченная пространством школы, которая, как правило, в контексте повествования становится микромоделью социума, а учитель в ней – воплощением карательного потенциала государства, персонификацией зла, олицетворением абсолютной власти над судьбами целых поколений. Основным двигателем сюжета становится конфликт свободы и тирании, получающий метафорическое воплощение в образах учителя-тирана и ученика-жертвы. Тем не менее, связь так называемой *Schulgeschichte* («школьной истории») с романом воспитания очевидна. Это проявляется, прежде всего, в том, что в центре повествования выступают дети либо подростки, которые, сталкиваясь с трудной жизненной ситуацией, с необычной психологической проблемой, ищут пути ее решения, тем самым взрослея и постигая законы взрослой жизни.

Список литературы

Сейбель Н.Э. Леонгард Франк / Н.Э. Сейбель // История немецкой литературы XX века. – М. : ИМЛИ. – В печати.

Франк Л. Слева, где сердце / Леонгард Франк // Франк Л. Избранное : в 2 т. – Т.

2. – М., 2003. – С. 353-560.

Франк Л. Шайка разбойников / Леонгард Франк // Франк Л. Шайка разбойников. Оксенфуртский мужской квартет. Из трех миллионов трое. – М., 1970. – С. 23-227.

ГЛАВНЫЕ ГЕРОИ РОМАНА ХАРУКИ МУРАКАМИ «1Q84» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТИПОВ ИНФОРМАЦИОННОГО МЕТАБОЛИЗМА

Е.А. Сермягина

*Научный руководитель: А.С. Поршинева,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

В данной статье мы анализируем образы двух главных героев романа современного японского прозаика Харуки Мураками «Тысяча невест сот восемьдесят четыре» с точки зрения соционической классификации – психологической типологии, теоретическая база которой была заложена швейцарским психиатром Карлом Густавом Юнгом и которая впоследствии разрабатывалась рядом психологов и социологов. Среди них – литовский экономист Аушра Аугустинавичюте, филолог Виктор Гуленко и математик Григорий Рейнин.

Как замечает Аушра Аугустинавичюте, Юнг открыл механизм селекции воспринимаемых психикой сигналов, который можно назвать кодом информационного метаболизма (ИМ), причем каждый человек обладает одним из таких кодов и является представителем определенного типа ИМ [Аугустинавичюте 1998: 27]. Так, «основой моделей ИМ стала своеобразная структура – сочетание элементов, которые Юнг называл психическими функциями. Различие между отдельными моделями в том, какие из элементов играют ведущую роль» [Аугустинавичюте 1998: 27]. В результате сочетания различных психических функций, а также экстратимности или интротимности было выделено 16 моделей ИМ.

На материале текста романа Мураками мы попытаемся выявить пары ведущих психических функций у Тэнго и Аомамэ и установить их принадлежность к определенным психотипам.

Во-первых, определим, являются ли герои экстравертированными либо интровертированными. Главным критерием, с помощью которого можно дифференцировать экстратимность и интротимность, является причинно-следственный характер взаимоотношений человека с окружающими. Согласно Аугустинавичюте, «в экстравертных блоках свойства и состояния объекта являются причиной определенных отношений с другими объектами» [Аугустинавичюте 1998: 65], в то время как в интровертных блоках отношение к объекту определяет его свойства, то, чем он является и чем становится [Аугустинавичюте 1998: 65]. Для